

с патронажем Фотия³⁵. Для этого привлекаются выводы Н. Адонца, заключившего на основе сообщения Никиты Пафлагонского, что Григорий был канонизирован по личной инициативе Фотия³⁶. Согласно этому сообщению, Фотий, находясь в изгнании, с целью вернуть себе расположение Василия I составил его фиктивную генеалогию, возводившую происхождение Македонской династии к армянскому царю Тиридату, из рода Аршакидов, в период правления которого Григорий и распространял христианство среди армян. Внуку Григория Исааку было видение, предсказавшее царствование Василия I и возвестившее возрождение как самой аршакидской державы, так и независимого статуса армянской церкви одним из потомков Григория. По мнению Н. Адонца, Фотий, будучи сам наполовину армянином, мог иметь в виду здесь самого себя, что и делало актуальной канонизацию и культ Григория. Но К. Манго считает возможным относить мозаику и к 888 г., когда аршакидское происхождение династии вновь затрагивается Львом VI в *Oratio funeralis*, посвященной Василию Македонянину³⁷.

Независимо от того, реалистичен ли взгляд Н. Адонца, очевидна непосредственность рассуждений самого К. Манго, поскольку связь фигуры Григория с аршакидской темой сначала имеет связующим звеном личность Фотия, а затем вдруг начинает трактоваться как прямая и непосредственная. Тем более, коль скоро ученый принимает выводы С. Дер-Нерссян, показавшей, что если рассматривать в целом весь состав святительского чина, то ближайшая литературная параллель для него обнаруживается опять-таки в письменном наследии Фотия, в его письме католикоу Захарии, где перечисляются наиболее почитаемые патриархом святители³⁸. Из их числа мы находим в Св. Софии Кирилла и Афанасия Александрийских, Иоанна Златоуста, Григория Чудотворца, Василия Великого, Григория Назианзина, Дионисия Ареопагита и Николая Мирликийского. Нет лишь Епифания, Юстина, Иринея, Амвросия, Прокла, а также Григория Нисского, фигура которого, впрочем, могла помещаться в крайней восточной нише южного тимпана, где уже при Фоссати мозаика была полностью разрушена³⁹. Вместо них и обнаруживаются в тимпанах фигуры патриархов Игнатия и Мефодия и святителей Игнатия Богоносца, Анфимия Никомидийского и Григория Армянина, последний из которых, кстати, также фигурирует в списке Фотия.

Если появление Игнатия Богоносца вполне объяснимо его высоким положением в иерархии святых восточной церкви, то остальные персонажи, не имевшие, кстати, в отличие от других представленных здесь святых своих *synaxis* в Св. Софии, представляются достаточно неожиданными в подобном окружении. И если включение в этот ряд Григория Просветителя, Игнатия и Мефодия может быть отнесено к инициативе Фотия, то за апологетикой Анфимия могла стоять фигура видного сторонника Фотия Георгия Хартофилакса⁴⁰. Казалось бы, круг замыкается. Более того, в пользу патронажа Фотия говорит и еще одна уникальная особенность святоотеческого ряда: в отличие от других византийских церквей в Св. Софии не обнаруживается ни одного изображения римских первосвященников. В эту эпоху мы явно не найдем в Константинополе политического деятеля достаточно высокого ранга, чтобы выступать заказчиком наших мозаик, который придерживался бы в своей деятельности столь радикальной антипапской линии, какая была характерна для Фотия.

Следует напомнить в связи с этим, что удаление Фотия с патриаршего престола оба раза, в 867 и 886 гг., использовалось императорским двором

³⁵ *Mango C. Materials. . .*, p. 56; *Mango C., Hawkins E. J. W. The Mosaics. . .*, p. 38.

³⁶ PG, 105, col. 565; *Adontz N. G. L'âge et l'origine de Basile I.* — *Byz.*, 1934, 9, p. 246 sqq.

³⁷ *Mango C., Hawkins E. J. W. The Mosaics. . .*, p. 39.

³⁸ *Der Nersessian S. Les portraits. . .* Издание письма Захарии см.: ППС. 1892, 34, с. 227—245.

³⁹ *Mango C., Hawkins E. J. W. The Mosaics. . .*, p. 25.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 39.